

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЪ-ФАРАБИ

**«XXI ҒАСЫРДАҒЫ ФИЛОЛОГИЯ ҒЫЛЫМЫ:
МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН БОЛАШАҒЫ»**

**атты халықаралық ғылыми форум
материалдарының жинағы**

16 мамыр, 2014 жыл

Proceedings International scientific forum

**«PHILOLOGY SCIENCE IN XXI CENTURY:
PROBLEMS AND PROSPECTS»**

16 may, 2014

Сборник материалов международного научного форума

**«ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В XXI ВЕКЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

16 мая, 2014 год

Алматы, 2014

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ
AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

**«XXI ҒАСЫРДАҒЫ ФИЛОЛОГИЯ ҒЫЛЫМЫ:
МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН БОЛАШАҒЫ»**

**атты халықаралық ғылыми форум
материалдарының жинағы**

16 мамыр, 2014 жыл

**Proceedings International scientific forum
«PHILOLOGY SCIENCE IN XXI CENTURY:
PROBLEMS AND PROSPECTS»**

16 may, 2014

**Сборник материалов международного научного форума
«ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В XXI ВЕКЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

16 мая, 2014 год

Алматы
«Қазақ университеті»
2014

Жауапты редактор
Қ.Әбдәзұлы

Құрастырушылар: А.Темірболат, А.Жүсіпова, Ш.Шортанбаев.

«XXI ғасырдағы филология ғылымы: мәселелері мен болашағы» атты халықаралық ғылыми форум материалдары / құраст.: А.Темірболат, Ш.Шортанбаев, А.Жүсіпова. - Алматы: «Қазақ университеті», 2014. - б.

ISBN

Жинаққа 16.05.2014 жылы әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінде өткен «XXI ғасырдағы филология ғылымы: мәселелері мен болашағы» атты халықаралық ғылыми форум материалдары енгізілді.

Жинақ әдебиеттанушы, тілші мамандарға, жоғары оқу орындары студенттері мен магистранттарына арналған.

ISBN

© А.Темірболат, Ш.Шортанбаев, А.Жүсіпова, 2014
© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2014

бастады. Жаңа көзқарас ғылыми тұрғыда жан-жақты дәйекті пікірлермен әдеби тарихи деректермен негізделуде.

Тарихи деректер мен тұрмыстық жайлардың, адамдар арасындағы түрлі қарым қатынастардың сабақтастығы бірден көзге түседі. Осы күнделікті жайлар мен адамдар тіршілігінің бейнеленуі шығармаға көркемдік сапа дарытқан. Мәселен, тараулар мен бөлімдердің бірінде басталып мақсатты түрде қолданылатын қыстырма тәрізді мәтіндер қаламгердің тиянақталған ойын ғана емес, сол уақиға мен тарихқа қатысты сезім сырларын да жеткізеді. Ал осы сырлар мен түрлі сезімдердің суреттелуі тарихи деректің қозғаушы күші, түрткісі немесе нақты тұлға әрекетінің басты себебі тәрізді. Сондықтан кейде қыстырма, еске алу тәрізді берілетін әдеби мәтін келесі тарауда жалғасып, М.Дулати ой-идеяларын жаңа сатыға, көркемдік сапаға көтереді. Мұны тараулар ман тараушалар аттарына көз жүгірту арқылы оңай көруге болады.

«Тарих-и Рашидиге» қатысты зерттеулердің бүгінгі таңдағы қол жеткізген басты нәтижелері қоғамдық – гуманитарлық ғылымдар алдында тұрған басты мәселелерді: қазақстан тарихы мен әдебиеті, өнері мен мәдениеті, философиясы мен әлеуметтануы т.б. алдында тұрған көптеген мәселелерді ғылыми негізді шешуге жәрдемдеседі. Оқулықтар мен оқу құралдарын, монографиялар мен зерттеулер жазуда бұл деректердің аса құндылығы даусыз.

Аса көрнекті қоғам және мемлекет қайраткері, әдебиетші және тарихшы, қолбасшы, заманының озық ойшылы Мырза Мұхаммед Хайдар Дулатидің «Тарих-и Рашиди» атты шығармасы ХҮІ ғасырдан бізге жеткен Монғолия мен Орта Азия және Индия халықтарының мәдениеті мен әдебиетіне, этнографиясы мен тарихи мұраларына тікелей қатысы бар сирек кездесетін ескерткіш болып табылады. Аталған шығарманы жан-жақты зерттеу - бүгінгі таңда әлем халықтары болып назар аударып жатқан игілікті істердің бірі. Солардың арасында Қазақстан тарихы мен қазақ халқының рухани, әдеби мұраларына тура қатысы бар мәдени мұраны замана талабына сай деректі, дәйекті негізде түптей зерттеу біздің ең басты міндеттерінің бірі болып табылады.

Пайдаланған әдебиеттер:

1. Дулати Мұхаммед Хайдар. Тарих-и Рашиди. –Алматы:Санат, 1999. – 656 б.
2. Дербісәлі Ә.Жақсыдан қалған жәдігер//Мырза Мұхаммед Хайдар Дулати (Аяз) Жаһан наме.-Алматы: Білім, 2006. 3-47 бб.
3. Боранғалиұлы Т. Жәңгір хан.-Алматы: «Абзал-Ай», 2014. - 155-157 бб
4. Келімбетов Н, Ежелгі дәуір әдебиеті.-Алматы:Атамұра, 2005.321-6
5. Жеменей И. Мұхаммед Хайдар Дулат.-Алматы. Зерде,2007.-360 б.
6. Уәлиханов Ш.Ш. 5 томдық шығармалар жинағы. 4-т.,14-28 бб. - Алматы,1985.
7. Марғұлан Ә. Мұхаммед Хайдар Дулати – қазақтың тұңғыш тарихшысы//Әдебиет және искусство, 1941, №4.78-87 бб.
8. Дербісәлі Ә. Мұхаммед Хайдар Дулат: Өмірбаяндық, библиографиялық анықтамалық. - Алматы, 1999. -160 б.
9. Бабыр Захир ад-дин Мұхаммед.-Алматы: Ататек, 448 б.

Темирболат А.Б.,

доктор филологических наук, профессор,

Казахского национального университета имени аль-Фараби

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА У. ЭКО «ИМЯ РОЗЫ»

Произведения Умберто Эко известны самому широкому кругу читателей. В своих научных исследованиях, эссе, романах он поднимает наиболее актуальные проблемы современной литературы, искусства, общества. Объектом пристального внимания писателя являются вопросы бытия людей. У.Эко стремится постичь глубинные законы развития общества, психологию отдельной личности, осмыслить закономерности и особенности историко-культурного процесса. Яркий пример тому – его первый роман «Имя розы» (1980).

События, изображаемые в данном произведении, разворачиваются в начале XIV века. Основным местом действия становится монастырь ордена Святого Бенедикта.

Роман строится в форме детектива и исторического, социально-философского романа. Рассуждения о смысле и сути бытия людей, о вечных и общечеловеческих ценностях разворачиваются на фоне расследования череды преступлений, совершаемых в Аббатстве.

Реальные события произведения соединяются с религиозными и мифологическими мотивами и образами. Герои романа являются представителями различных течений и сект. Они постоянно обра-

щаются к древнейшим писаниям. Цитируют различные религиозные постулаты и учения. Ими упоминаются Священное Писание, Евангелие, Апокалипсис. Герои ссылаются на Екклесиаста. В произведении неоднократно возникает образ Иисуса Христа. Вокруг его имени ведется полемика. В сознании Адсона и обитателей аббатства возникают образы, навеянные мифами, трактатами.

Обращение к религиозным учениям обуславливается, с одной стороны, содержанием романа, местом его действия, исторической эпохой, которую описывает писатель, с другой – стремлением автора глубже раскрыть особенности сознания, мировоззрения героев, максимально правдиво воссоздать картины жизни и атмосферу того времени.

Повествование романа пронизано литературными реминисценциями. В нем упоминаются «Поэтика» Аристотеля», произведения Вергилия, Пруденция, Данте Алигьери, «Киприанов пир», «Гиббернийская поэма» и другие.

Роман насыщен философскими суждениями, цитатами из трудов Бозция, Бэкона Роджера, Алана Лилльского, Вильгельма Оккамского. Герои обращаются к ним, чтобы раскрыть суть высказанных ими мыслей, обосновать собственные умозаключения.

Включение цитат, афоризмов раздвигает границы хронотопа романа. Они показывают преемственность прошлого, настоящего и будущего, единство пространства духа.

В произведении наблюдается пересечение культур Запада и Востока. В романе упоминаются арабские и христианские источники. Автором приводятся высказывания мыслителей Запада и Востока. Своеобразным символом единства данных культур становится книга, которую на протяжении всего повествования разыскивает Вильгельм Баскервильский. В ней переплетены вторая часть «Поэтики» Аристотеля, арабский и сирийский тексты, латинская переделка.

Повествование романа строится на противопоставлении. Адсон постоянно соотносит прошлое и настоящее. «В мое время, – говорит герой, – люди были красивы и рослы, а ныне они карлики, дети, и это одна из примет, что несчастный мир дряхлеет» [1, с. 7].

Сравнение прошлого и настоящего позволяет Адсону проследить изменения, происходящие в жизни общества, понять особенности эпохи, в которую он живет. Противопоставления дают возможность читателю соотнести две модели реальности.

Роман пронизан рассуждениями о вечном и преходящем, духовном и материальном. Адсон неоднократно подчеркивает, что есть ценности, не подвластные времени. Им проводится мысль о том, что душа, будучи связанной с божественным миром, вечна, а внешность человека и окружающие его предметы имеют ограниченный период существования. «...По Бозцию, – отмечает автор, – всего мимолетней наружность. Она вянет и пропадает... (Только дух, волею Господней, сияет вечно негасимом свете)» [1, с. 7].

В произведении наблюдается оппозиция мира земного и небесного. Первый характеризуется замкнутостью пространственно-временных границ, второй – бесконечностью и безграничностью. В земном мире царят, по мысли Адсона, суэта и хаос, в небесном – гармония и красота. Периодически они смыкаются. Пример тому – слова Вильгельма, обращенные к Аббату: «Пилигримом я прихожу, во имя нашего Господа, и как таковой сподобился от вас немалых почестей. Однако в то же время я являюсь и от имени земного повелителя, о чем свидетельствует вручаемая при сем грамота, и от его имени также хотел бы выразить вам благодарность за теплый прием» [1, с. 11]. Единство земного и небесного миров отражает сущность бытия, заключающуюся во взаимосвязи противоположностей. Оно раскрывает особенности пространственно-временной позиции людей. По мысли автора, человек пребывает на границе земного и небесного миров. Духовно люди обращены к Богу. Но их жизнь протекает на земле.

В романе присутствует оппозиция «верх» – «низ». Божественный мир противопоставляется дьявольскому. Адсон подробно описывает добродетели Иисуса и пороки людей. Совершаемые человеком злодеяния герои романа считают происками дьявола.

Высший и низший миры образуют сложное единство. По мысли автора, божественный мир противостоит дьявольскому, и в то же время они взаимообуславливают друг друга. Отсюда тесная связь их хронотопов, получившая воплощение на уровне видения и мечты Адсона.

В основу повествования заложена идея о многомерности и целостности мира. Наиболее полно она раскрывается в процессе рассуждений Вильгельма. Объясняя Адсону суть бытия, он постоянно подчеркивает, что множество заключается в единичном, а единичное воплощается через множество. «Как бы то ни было, – говорит Вильгельм Баскервильский, – в любом случае все, что мне известно о коне всеобщем, дается через следы, а след единичен. Тут я оказываюсь, можно сказать, в тисках между единичностью следа и собственным неведением, принимающим достаточно зыбкую форму всеобщей – универсальной – идеи. Если издали смотришь на предмет и трудно разобраться, что это,

довольствуешься определением “крупное тело”. Приблизившись, ты уже получаешь возможность сказать, что это вроде животное, хотя пока неясно, осел это или лошадь. Наконец, когда оно уже рядом, ты скажешь, что это конь, хотя и не знаешь, зовут его Гнедком или Воронком (то есть именно тот самый, единственный конь, а не любой; называть его можно как угодно). Вот это и есть полнейшее совершеннейшее знание: проницание единичного» [1, с. 12].

Соответственно хронотоп бытия характеризуется сложностью. Он представляет собой совокупность индивидуальных времен и пространств, с одной стороны, образующих единое целое, с другой – раскрывающих многогранность всеобщего времени-пространства.

Своеобразным символом сложности бытия выступает образ Сальватора. Его частный хронотоп вбирает в себя множество хронотопов. Речь и внешность данного героя по сути отражение многоликости мира. По словам Адсона, «Сальватор говорил на всех языках и ни на одном. Вернее, он составил из обломков чужих наречий свой собственный язык, используя множество других, с которыми соприкасался во время странствий. <...> Сальватор говорил... сразу на всех языках, и на всех – без законов и правил, черпая слова откуда придется. ...Он мог именовать одну и ту же вещь сначала по-латыни, потом по-провансальски, и еще я заметил, чтобы составлять собственные фразы, он заимствовал откуда попадет готовые куски, *disjecta membra* готовых фраз, некогда услышанных им, и подбирал их применительно к случаю и к предмету, на который направлялась речь. Так, о кушаньях он умел говорить только теми словами, которыми пользовались жители краев, где он это кушанье некогда ел; выражать радость он был способен только припоминая речи радующихся людей, с которыми некогда радовался совместно. Его наречие было точно как его лицо, слагаемое множества обломков, частичек чужих лиц...» [1, с. 22].

Повествуя об основных событиях, автор подчеркивает всеобщую значимость и глубину поднятых их проблем. В его речи часто возникает образ космоса. Отсюда постоянное варьирование пространственно-временных границ. Они то сужаются до пределов частной судьбы, то раздвигаются до вселенских масштабов. Более того, на уровне образа космоса развивается авторская мысль о единстве всего сущего на земле. Согласно концепции писателя, мир многолик, но целостен. «...Краса космоса, – говорится в произведении, – является не только в единстве разнообразия, но и в разнообразии единства» [1, с. 8].

В процессе повествования проводится мысль об относительности хронотопа бытия людей. Автор неоднократно подчеркивает условность границ между прошлым, настоящим и будущим. Так, согласно точке зрения Вильгельма, то, что ожидает человечество в грядущем, уже существует в помыслах Бога. «Ты не тревожься, – говорит он Адсону, – что доселе их нет. Это не значит, что их и не будет. Я скажу тебе: Господу угодно, чтобы были они, и истинно уже существуют они в Его помысле, хотя мой друг Оккам и отрицает вероятность подобного существования идей. Но отрицает не оттого, что отгадывать помыслы Божии предосудительно, а напротив, оттого, что число отгадок неограниченно» [1, с. 9]. Отсюда вероятностный и множественный характер категории хронотопа, выстраивание героями гипотетических моделей реальности, число которых ограничивается исключительно их сознанием, воображением и жизненным опытом. Вильгельм постоянно выдвигает предположения о том, что ожидает человечество, какими будут последствия тех или иных событий. При этом он опирается на собственный опыт, знания, наблюдения, воображение. Сопоставляя явления, имевшие место в прошлом и настоящем, он делает умозаключения и выводы относительно дальнейшего хода действия. Такой подход помогает ему постигать суть вещей, вести расследование.

Повествуя о событиях, происходящих в аббатстве, Адсон подчеркивает силу и значимость слова. Оно, по мысли автора, оказывает огромное влияние на сознание человека. Слово – основа мироздания. Посредством него можно созидать и разрушать. Слово способствует созданию определенных моделей реальности. Именно поэтому свое произведение автор начинает с цитаты из Библии.

Сила слова наиболее полно раскрывается в эпизоде, в котором Адсон описывает свое видение. Оно, как утверждает повествователь, было навеяно впечатлениями, оставленными в его душе рассказами Аббата. «Тут я понял, что не об ином глаголет видение, как о происходящем в монастыре. О том самом, что с неохотой открыли уста Аббата. И как часто в последующие дни ни приходил смотреть на портал, всегда убеждался, что переживаю страсти, им предреченные» [1, с. 21].

Рассказывая о событиях в аббатстве, характеризуя поведение Вильгельма, Адсон осмысливает происходящее сквозь призму догм, которым его обучали. Говоря о поступках своего учителя, герой описывает свое отношение к ним и одновременно соотносит с постулатами учений, освоенных им в процессе образования. «Он как будто мыслил руками, что, на мой взгляд, пристало скорее механику (меня же учили, что всякий механик – *moecus*, прелюбодей, изменяющий умственной жизни, с коей чистейшим сочелся браком)» [1, с. 8].

Такое построение повествования обуславливается стремлением автора постичь суть изображаемых им явлений, найти истину, к которой стремится Вильгельм Баскервильский. Ибо именно она составляет основу развития сюжета. Обретение истины – конечная цель поисков Вильгельма и его расследования в аббатстве.

Повествование романа пронизано идеей цикличности. Автор и герои произведения неоднократно отмечают, что все в мире вращается по кругу. События повторяются. Человечество проходит через одни и те же испытания. Более того, сам роман начинается с цитаты из Библии о слове и завершается описанием работы Адсона над его рукописью.

Повествование романа характеризуется полифоничностью. По словам С.А. Игнатовой, оно «несет в себе следы множества веков и стилей. <...> ...XIV век – средневековье, которое породило изначальный текст; XVII век – барокко, которому повествование обязано некоторыми элементами эстетики, такими как избыточная описательность; XVIII век – классицизм, вдохновленный рациональной философией... XX век: возникновение и исчезновение рукописи, проблемы перевода и стилизации, описанные автором. XXI век: в произведении намечены проблемы, с которыми неизбежно столкнется переводчик при публикации книги» [3, с. 109-110].

Повествуя о жизни в аббатстве, передавая собственные мысли и суждения, раскрывая взгляды окружающих его людей, Адсон нередко проводит параллели с миром природы. Так, например, рассуждая о внешности человека, он утверждает, что она «вянет... как луговой цвет перед осенью» [1, с. 7]. Описывая Аббата, герой указывает, что по его лицу «пробежала какая-то вызывающая улыбка, но тут же угасла, как угасает ночная зарница» [1, с. 15-16].

Обращение к образу природы, с одной стороны, способствует материализации понятий, о которых идет речь, с другой – раскрывает единство хронотопов мира людей и окружающей их действительности.

Через весь роман проходит мысль о знаковой природе бытия. По мнению автора, каждое явление действительности несет в себе определенный смысл, который должен уметь постигать человек. При этом знаки, согласно концепции писателя, имеют двоякую природу. С одной стороны, они заключают в себе указание на какое-либо явление, факт, событие действительности, благодаря чему их расшифровка приводит к пониманию истины; с другой содержат ложную, мнимую информацию, постижение которой вводит людей в заблуждение. Подтверждение тому – слова Вильгельма Баскервильского. Обращаясь к Адсону, он говорит: «... Всю поездку я учу тебя различать следы, по которым читаем в мире, как в огромной книге. Сказал же Алан Лилльский:

Всей вселенной нам творенье
– будто бы изображенье,
книга или зеркало, –

и судил о неисчерпаемом обилии символов, коими Господь чрез посредство творений своих глаголет к нам о вечной жизни. Однако вселенная еще красноречивее, чем казалось Алану, и говорит не только о далеких вещах (о них всего туманней), но и о самых близких, и о них – яснее ясного» [1, с. 10]. «Но не будем забывать, что существуют знаки, притворяющиеся значащими, а на самом деле лишённые смысла, как тру-ту-ту или тра-та-та...» [1, с. 49]. Тем самым, в романе раскрывается знаковая природа категории хронотопа [5, с. 26-27]. Время-пространство бытия героев выступает носителем определенной информации о прошлом, настоящем и будущем. Посредством знаков, заключенных в действительности, во Вселенной, осуществляется связь частных хронотопов людей и хронотопа мира, ведется своеобразный диалог между человеком и космосом.

Интересна композиция романа. Произведение состоит из семи глав, каждая из которых повествует о конкретном дне из жизни героев и делится на эпизоды, связанные с богослужением. Отсюда конкретность и четкость пространственно-временных координат описываемых событий.

Главы произведения сопровождаются фразами, раскрывающими промежуток, в течение которого развивается изображаемое действие, и дающими представление об их содержании.

Такое построение позволяет, во-первых, обеспечить хронологию в изложении событий; во-вторых, акцентировать внимание читателя на наиболее значимых явлениях и моментах в жизни героев; в-третьих, создать иллюзию объективности и достоверности повествования; в-четвертых, воспроизвести «время-пространственное единство, постулированное в XVIII веке», воссоздать стиль той эпохи [3, с. 109].

Произведение включает предисловие, примечание автора и заключительные рассуждения героя. Они помогают читателю осмыслить суть происходящих явлений.

Следует отметить, что основу сюжета романа составляет судьба рукописей, одну из которых находит и утрачивает автор, другую разыскивают Вильгельм и Адсон на протяжении всего повество-

вания. Это обусловливается тем, что произведение представляет собой «повесть о книгах, а не о злощастной повседневности» [1, с. 4]. Соответственно «настоящим сюжетом» романа выступает проведенная Адсоном «реконструкция фактов, событий, текстов, подбор универсального кода, способного придать смысл и целостность разрозненным явлениям» [6]. Отсюда сложность композиции произведения и многозначность его хронотопа.

Интересен финал романа. Несмотря на кажущуюся завершенность авторского повествования, он фактически остается открытым. Ибо в финале произведения происходит слияние хронотопа Адсона с хронотопом книги. Герой будто растворяется в Слове. «...О чем говорили старые книжные обрывки, и я уже не знаю, я ли до сей поры рассказывал о них, или они рассказывали моими устами» [1, с. 241]. Тем самым автор подчеркивает, что жизнь рукописи продолжается.

Таким образом, отличительными особенностями романа У. Эко «Имя розы» являются многогранность изображения действительности, емкость художественных образов и характеров, сложность композиции и хронотопа. Философские рассуждения автора и героя органично сочетаются с занимательностью сюжета.

Список использованной литературы:

1. Эко У. Имя розы. – М., 2004 // http://www.fictionbook.ws/prose/prose_history/umberto-eko-imya-rozi.html
2. Ерохина Л.А. Организация хронотопа как часть стратегии «образцового автора» в романах У. Эко «Имя розы» и «Маятник Фуко» // <http://www.iurnal.org/articles/2012/fil110.html>
3. Игнатова, С.А. Полифония и постмодернизм в романе У. Эко «Имя розы» // Общество. Среда. Развитие (Тетра Humana). – 2012, № 3. – С. 108-112.
4. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. – СПб, 2003.
5. Темірболат А.Б. Категории хронотопа и темпорального ритма в литературе. – Алматы, 2009.
6. Лотман Ю.М. Выход из лабиринта // Эко У. Имя розы. – М., 1998. – С. 650-669.

*Жаксылыков А.Ж.,
доктор филологических наук, профессор,
Казахского национального университета имени Аль-Фараби*

МЕТАСЕМАНТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ В СТРУКТУРЕ ЭССЕ И ИХ ПЕРЕДАЧА В ПЕРЕВОДЕ

Метатекст – парадигматическая словесность, возникающая по исторической необходимости, для выполнения особых сверхзадач, стоящих перед коллективом, этносом, племенем. В слова или фразы с метасемантическим содержанием вкладывается особое содержание, требующее исключительной мобилизации коллективного сознания, осмысления проблем, возникающих на рубеже веков, апеллирующее к сакральным аспектам единства нации или этноса. В метатексте аккумулируются духовный опыт коллектива, сакральные аспекты, социально-психологический план, суггестия, осознание высшей цели, выводящей за пределы настоящего в будущее, подсознательные, матричные смыслы, мифопоэтическая парадигматика и т.д. Скрытый функциональный план метатекста – это обращение к большому коллективу, призыв к мобилизации всех сил для решения задач исторического, эпохального значения. Поскольку в древние эпохи подразумевалось, что в творении метатекста – священной клятвы, договора между племенами участвуют боги (Митра, Тенгри, Индра), такая фразеология неизбежно оформлялась как мегалог – диалог людей с богами, с сакральными силами коллективной судьбы.

В истории национальной устной словесности такая фразеология чаще всего носила ритуальный характер. Ритуальность – внутренний принцип метатекста. Ритуальность свидетельствует о многовековой традиции консолидации коллектива именно через обряд, апелляцию к высшим силам, заключения договора между ними и людьми, а также между членами коллектива, вступающего в данный обряд. Безусловно, такими текстами выступали клятвы (*анты*), которые заключали вожди племен перед большими битвами с оборонительными целями или, наоборот, для масштабной экспансии. «Иллиада» и «Одиссея» выступают как словесные обрамления, разросшиеся вокруг ядра метатекста – клятвы вождей, сюжет же – как инварианты нарушения этой священной клятвы или подтверждения ее. Такова внутренняя смысловая структура и великой «Махабхараты», повествующая о расколе между царями двух кланов, Пандавов и Кауравов. В истории древнетюркских народов в качестве ядровых метатекстов, разросшихся вокруг ритуала клятвы, выступают такие эпосы, как «Огуз-наме»,